

Математика в экономике

В феврале 1963 года отец получил послание от крупного экономиста академика Василия Сергеевича Немчинова. Собственно, письмо было коллективным, кроме Немчинова его подписал математик Виктор Михайлович Глушков, «молодое дарование», только что назначенный директором организованного в Киеве Института кибернетики, и еще кто-то. Но отец из них знал хорошо одного Немчинова, регулярно читал его статьи и статистические отчеты, но лично они, по-моему, не встречались. Немчинов посвятил свою жизнь статистике, в основном сельскохозяйственной, и через статистику приобщился к математике. Расчеты таблиц – занятие трудоемкое и муторное, и Василий Сергеевич одним из первых сообразил, какие выгоды сулит экономике союз с математикой, оснащенной электронными вычислителями. Они не только позволяли за день выполнить работу, ранее растягивавшуюся на недели и месяцы, но вселяли надежду на переход от интуитивно-волевого планирования к детально-конкретному, учитывающему все мыслимые нюансы, обеспечивающему множество вариантов и выбирающему из них наилучший.

Как это часто случается во всяком новом деле, энтузиаст Немчинов преувеличивал возможности вычислительных машин. Даже самая мощная из них всего лишь большая сложная

«считалка», только уточняющая результат, но не способная изменить логику, заложенную в нее человеком.

Союз математики с экономикой начался, как только с кибернетики сняли клеймо «лже-науки». Экономико-математические идеи обрели не просто популярность, они стали модой. В 1958 году в Академии наук Немчинов организовал первую независимую, подчинявшуюся только ее Президиуму лабораторию экономико-математических исследований. Экономисты пошли в математику, а математики со своей стороны заинтересовались экономикой. Они всерьез рассчитывали с помощью вычислительных приемов очистить ее от схоластической чепухи, сделать экономику «серьезной наукой» наподобие механики или физики.

Еще раньше Немчинова, в 1956 году, член-корреспондент Академии системный математик Исаак Семенович Брук создал экономическое подразделение в своем Институте электронных управляющих машин, усадил за один стол молодых, не обремененных «традициями» экономистов Виктора Белкина, Игоря Бирмана с не менее молодыми и амбициозными математиками-алгоритмистами Александром Брудно и Сашей Кронродом.

Лаврентьев тоже начал набирать экономистов-математиков и математиков-экономистов в Сибирское отделение Академии наук, в Институт математики. Руководил их работой сорокапятилетний Леонид Викторович Канторович, в будущем один из основателей теории линейного программирования, оптимального планирования, метода оптимизации использования сырьевых ресурсов, будущий академик, лауреат Нобелевской и Ленинской премий, а тогда просто подававший надежды доктор наук.

Экономико-математические лаборатории появились в Ленинграде и в других научных центрах страны. Для координации их работ президент Академии наук Несмеянов создал при себе Научный совет по применению математических методов в экономике, поддержал проект учреждения специального Института экономико-математических методов.

Новый институт предполагалось создать в Отделении экономики АН СССР. Экономисты-традиционалисты поначалу не придавали значения возне математиков вокруг экономики. Теперь они спохватились и, пока не поздно, попытались «придушить младенца еще в колыбели».

У противников Немчинова имелось немало испытанных способов похоронить неуютное начинание, в «своем» отделении они властвовали безраздельно. Дело затянулось, никто не возражал, но ничего не происходило. В результате проволочили целый год. Немчинов апеллировал к Келдышу, 19 мая 1961 года сменившему Несмеянова на посту президента Академии наук. Келдыш обещал разобраться, но ссориться с вхожими в ЦК, близкими к Суслову экономистами не желал. Сам математик, математическими приложениями к экономике он не интересовался.

Но Немчинов не сдавался. Вскоре после его обращения к Келдышу, 12 июня 1961 года, в Кремле собралось совещание научных работников. Обсуждали планирование и координацию научных исследований, взаимодействие высших учебных заведений и академических институтов и многое другое. Отец сидел на всех заседаниях, внимательно слушал, но сам не выступал. С трибуны совещания академик Немчинов пожаловался на волокиту с организацией столь нужного стране экономико-математического института, говорил о достижениях своей лаборатории. Отец его выступление запомнил и попросил Косыгина вместе с Келдышем разобраться. Косыгин перепоручил Немчинова Келдышу, дал указание ему совместно с руководством Отделения философии, экономики и права АН СССР (тогда еще специального Отделения экономики не существовало, его создадут только в 1962 году) представить необходимые материалы. Руководил отделением доктор философских наук академик Петр Николаевич Федосеев – правоверный марксист, специализировавшийся на историческом материализме и теории научного коммунизма. К математическим выкрутасам он относился с большим подозрением, опасался, не протаскивается ли таким образом в экономику нечто

вроде раскритикованного в свое время Лениным махизма. Так он и сказал Келдышу при встрече. Пообещал посоветоваться в ЦК. Келдыш не настаивал. Дело вновь забуксовало. Наверное, самое простое было – снять Немчинову трубку кремлевской вертушки, набрать номер телефона Хрущева и попросить о встрече. Отец, естественно, ему бы не отказал, но академик предпочел обходной маневр. Не очень ориентировавшийся в правительственных коридорах, Немчинов обратился за содействием к Засядько, что сразу настроило негативно и так не очень расположенного к нему Косыгина. Засядько сочувствовал Немчинову, но ничего не сделал, вопрос поручен не ему, к тому же он просто заместитель главы правительства, а первый заместитель Косыгин уже доложил Хрущеву, что в Академии наук вопрос создания еще одного института считают преждевременным. Есть лаборатория Немчинова, с поставленными перед ней задачами справляется, и нет смысла плодить дополнительные структуры. Отец положился на мнение своего первого заместителя.

Тогда-то Глушков, с ним Немчинов познакомился не так давно, и посоветовал напрямую обратиться к Хрущеву, написать ему письмо. Вот только передать его следует из рук в руки. Если отправить по общепринятым каналам, оно может, минуя Хрущева, попасть в соответствующий отдел или еще хуже – угодит к Косыгину. И пиши пропало...

Глушков значительно лучше Немчинова чувствовал себя в бюрократических дебрях и предложил использовать в качестве почтальона Сергея Павлова, первого секретаря ЦК комсомола. Глушков, вчерашний молодой ученый, доктор наук, недавний комсомолец, поддерживал с Павловым тесные отношения. Павлов охотно откликнулся на просьбу Глушкова. Виктор Михайлович умел убеждать и убедил Павлова, что от создания экономико-математического института чуть ли не зависит будущее страны. К тому же, по долгу службы Павлов курировал молодых ученых.

Письмо получилось аргументированным, прочитав его, отец рассердился, выговорил Косыгину за медлительность и бюрократизм и теперь уже приказал с созданием института не тянуть, об исполнении доложить.

В дополнение к письму и в развитие положений, в нем изложенных, Немчинов 3 апреля 1960 года опубликовал в воскресных «Известиях» статью «Союз экономики и математики», в которой расписал, как с помощью вычислительных машин можно составлять реальные, а не дутые планы, отдельно остановился на деталях своей работы с Главмосавтотрансом. За прошедшие с момента основания лаборатории несколько лет немчиновская команда получила конкретные результаты. Одна из ее первых работ «Оптимизация грузовых автоперевозок в Москве» позволила с помощью математических методов в 1959 году повысить доходность Главмосавтотранса на 15–20 процентов. Отец внимательно прочитал статью. Он питал «слабость» к Главмосавтотрансу, считал его своим детищем, а успехи транспортников своими успехами. Напомню, как на заре своей деятельности отец добился объединения мелких ведомственных автохозяйств в единую общемосковскую структуру. Он назначил руководить московскими автоперевозками И. М. Гобермана и с тех пор внимательно следил за его работой. Уже само создание централизованной общемосковской транспортной структуры резко увеличило эффективность перевозок, сократило простои, а вот теперь Немчинов с Гоберманом рапортовали о новых достижениях.

После прочтения газет отец, отправившись на прогулку вместе со всеми нами, домочадцами, заново переживал, пересказывал историю пикировок с Молотовым по поводу транспортных проблем, с гордостью повторял, что вот теперь и ученые подтвердили его правоту. Так что Немчинов не мог выбрать лучшего приложения своим экономико-математическим методам и лучшего способа утвердиться в борьбе с оппонентами. На самом деле, это не он выбирал, а его самого выбрал Гоберман, имевший абсолютное чутье на сулившие выгоду начинания.

На следующий день, в понедельник, в Кремле отец продолжал восхищаться успехами Главмосавтотранса, настойчиво рекомендовал своим слушателям прочитать статью Немчинова.

В мае 1963 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии и использовании вычислительной техники в народном хозяйстве», предусматривавшее, наряду со многим другим, создание не только института экономико-математических методов в структуре АН СССР, но еще и отдела по внедрению математических методов в планирование в составе Госплана СССР.

Не думаю, чтобы отец возлагал особые надежды на экономистов-математиков в дальнейшем реформировании народного хозяйства, но предложения Немчинова ему представлялись хорошим инструментом, облегчающим составление реальных, а главное, выполнимых планов.

И еще одно событие, в какой-то степени связанное с моим рассказом. Во исполнение того же постановления с начала нового, 1963/64 учебного года при МГУ открылась специализированная физико-математическая школа-интернат, куда собирали со всей страны «кандидатов в гении».